

Из этих примеров ясно виден разноречивый в терминологии и неправильное употребление терминов, что в учебных пособиях недопустимо.

1. Целесообразнее всего давать собственные названия индийских языков, не переделывая их. Такие термины, как «хиндский» и «пахарский», неупотребительны в нашей индологии. Вместо них употребляются соответственно «хинди» и «пахария».

Диалект языка хинди, распространенный в западной части штата Уттар Прадеш, называется «хиндустани». Иногда это название распространяют и на весь язык. Носителем языка хинди является народ хиндустани, населяющий штаты Уттар Прадеш, Бихар, Виндхья Прадеш, Мадхья Прадеш и частично территорию пенджабских штатов. Язык этот имеет две литературно-конфессиональные формы: у хиндустани-мусульман — урду, пользующийся арабско-персидской графикой и строящий свою научную и общественно-политическую терминологию на базе арабских и персидских лексических элементов, у хиндустани-индусов — хинди, пользующийся собственной графикой — алфавитом деванагари и использующий для построения научной и общественно-политической терминологии богатейшие возможности санскрита.

2. Не соответствует подлинному положению дел и цитированное выше утверждение в книге А. А. Реформатского, поскольку урду для всего Пакистана (а не только для Западного) является государственным языком, так же как хинди — государственным языком Индии. Можно смело сказать, что урду и в Индии является литературным языком в не меньшей степени, чем в Пакистане. Кроме того, на каждом из языков народов Индии существует обширная литература, и, следовательно, нельзя говорить о едином литературном языке как применительно к Индии, так и применительно к Пакистану.

3. Термины «индусы-буддисты» и «индусы-мусульмане» ошибочны. В нашей науке, как, впрочем, и вообще в языке, слово *индус* укоренилось в значении «последователь индуизма», а не как «житель Индии». В значении «житель Индии» употребляется слово *индиец*. Термин «индус-мусульманин» может быть сопоставлен, таким образом, с «православным католиком» или «католиком-иудеем» и его неправомерность ясна сама собой. Буддисты в Индии в настоящее время представляют очень незначительную общину. «Хинди» является самоназванием большей части народа хиндустани, иногда может употребляться и в значении «житель Индии». «Урду» как самоназвание народа неупотребительно. Характерно, что такой поэт, как Икбал, в своем стихотворении «Хиндустан хамара» подчеркивает: «хинди хэйи хам», т. е. «мы — хинди», а не «мы — урду», хотя он и является крупнейшим поэтом нового времени, писавшим на урду.

В трудах наших крупнейших индологов — акад. А. П. Баранникова и других можно найти толкование всем приведенным выше терминам.

Кроме всего сказанного, хотелось бы выразить пожелание, чтобы индийские имена и термины, широко употребляющиеся ныне на страницах газет и журналов, писались в форме, наиболее близкой к их реальному звучанию и соответствующих национальным языкам Индии.

И. Д. Серебряков

ПОСЛОВУДНОГО ОБЗОРА

В связи со статьей Л. С. Бархударова «Журнал „Иностранные языки в школе“ в 1953—1954 гг. (Обзор статей по вопросам языкознания)», напечатанной в первом номере нашего журнала за 1956 г., редакция получила ряд писем читателей.

Отвечая на замечания Л. С. Бархударова (см. указ. обзор, стр. 138) по поводу статьи «О фразеологических сращениях в современном английском языке»¹, автор этой статьи А. В. Кунин (Москва) пишет, что в его статье критике подвергается не «невыводимость» значения целого из значений компонентов вообще, а невыводимость общего значения сращения из значений компонентов «без этимологического анализа как частей, так и целого в определенных исторических условиях его становления» (ср. стр. 29 статьи А. В. Кунина). «Таким образом, — пишет А. В. Кунин, — термины „немотивированность“ и „невыводимость“ вполне правомерны, если речь идет о современном этапе развития языка».

Л. С. Бархударов считает, что второй признак фразеологических сращений, выдвигаемый А. В. Куниным (синтаксическая неделимость), по существу приводит к порочному кругу: фразеологическое сращение определяется как синтаксически неделимое, однако решить вопрос о том, неделимо ли данное сочетание в синтаксическом плане, можно только установив, является ли оно фразеологическим сращением или нет (см. указ. обзор, стр. 138). Возражая против этого положения Л. С. Бархударова, А. В. Кунин пишет, что «рецензент был бы прав, если бы единственным признаком сращения, отличающим его от других типов фразеологических единиц, была бы синтаксическая

¹ «Ип. яз. в шк.», 1953, № 2.

неделимость». Однако, подчеркивает А. В. Кунин в письме, фразеологическое сращение определяется им как «немотивированное, т. е. семантически и синтаксически неразложимое образное словосочетание». На первое место в этом определении выдвигается лексическая неделимость, семантическая немотивированность с точки зрения современного сознания, против чего не возражает и сам рецензент. Синтаксическая же неделимость является результатом семантической немотивированности (см. стр. 32 статьи А. В. Кунина).

А. В. Кунин указывает, что при такой постановке вопроса замечание Л. С. Бархударова о якобы создаваемом порочном круге является необоснованным. Далее он пишет, что Л. С. Бархударов допускает две ошибки при анализе сочетания *take place*. Во-первых, этот оборот — не сращение, так как он не обладает смысловой немотивированностью. Ввиду того, что значения обоих компонентов являются номинативно свободными, словосочетание *take place* следует считать фразеологическим единством. Во-вторых, признавая всю важность соображений структурно-синтаксического порядка, принципиально неверно сбрасывать со счетов семантику.

Возражая против положения Л. С. Бархударова о том, что в целом синтаксическая нечленимость не является обязательным признаком фразеологического сращения, А. В. Кунин, ссылаясь на замечания акад. В. В. Виноградова¹, утверждает, что «во фразеологическом сращении значение целого подавляет значение компонентов» и что «любое фразеологическое сращение синтаксически неделимо».

В письме И. С. Блиох (Иркутск) говорится, что Л. С. Бархударов неправильно подошел к критике ее статьи «Об употреблении глагольных временных форм в придаточных предложениях времени в английском языке»². И. С. Блиох считает, что Л. С. Бархударов ошибочно приписывает ей мысль о том, что выбор глагольной формы определяется лексическим характером глагола (его предельностью или неопределенностью). В действительности же в указанной статье И. С. Блиох сказано, что лексический характер глагола — это лишь один из факторов, влияющих на выбор глагольной формы в английском придаточном предложении времени.

Вторым фактором И. С. Блиох считает подчинительный союз с его собственной семантикой, о чем говорится в ее статье. Однако в целях более детального изучения проблемы И. С. Блиох рассматривает лишь первую ее сторону.

В отличие от Л. С. Бархударова, считающего, что в выражении предшествования союзы *as soon as* и *after* по существу однородны, И. С. Блиох усматривает принципиальное различие в семантике этих союзов. Как замечает И. С. Блиох, в противоположность союзу *after* союз *as soon as* вводит два различных вида временных придаточных предложений: 1) придаточное предложение, действие которого предшествует действию главного и завершается до его наступления. В этом виде придаточных предложений употребляется перфектная или индефинитная форма глагола, в зависимости от лексического «видоподобного» характера последнего; 2) придаточное предложение с действием, только начинающимся до действия главного предложения и происходящим одновременно с ним. В этом случае употребляются глаголы неопределенного лексического характера в индефинитной форме или длительная форма глагола. И. С. Блиох замечает, что, отрицая теорию лексического характера глагола, имеющую широкое признание в среде наших языковедов, Л. С. Бархударов ничем не обосновывает это положение.

И. С. Блиох считает неправильным и предложение Л. С. Бархударова о том, чтобы редакция журнала «Иностранные языки в школе» отказалась от практики «хождения на поводу у авторов» и использовала в работе лишь метод заказов, установив далеко идущее планирование тематики. «Это, — пишет И. С. Блиох, — неизбежно приведет к неоправданному сужению тематики журнала, поставит журнал под угрозу отстать от научной жизни и от требований преподавательской практики». В заключение И. С. Блиох, характеризуя обзор Л. С. Бархударова в целом, обращает особое внимание на «доктринерский тон» этого обзора.

Н. И. Лихошерст (Киев) выражает сомнение по поводу правильности интерпретации Л. С. Бархударовым некоторых вопросов в теории конверсии А. И. Смирницкого (см. указ. обзор, стр. 139—140) и просит дать на страницах журнала «Вопросы языкознания» краткую консультацию по следующим вопросам:

1. Соотношение между конверсией и чередованием звуков, а также между конверсией и нулевой аффиксацией, если такое соотношение вообще существует.
2. Возможность конверсии в пределах одной и той же части речи.
3. Возможность конверсии в системе неизменяемых частей речи (не имеющих парадигм).

¹ См. В. В. Виноградов, Об основных типах фразеологических единиц в русском языке, в кн. «А. А. Шахматов. 1864—1920. Сб. статей и материалов», М.—Л., 1947, стр. 351.

² «Ип. яз. в шк.», 1954, № 1.

4. Сущность таких специфических для английского языка словарных соотношений, как *genius* — *genii* и *genius* — *geniuses*;
 5. Соотношение между англ. *outlay* (глагол), *outlay* (существительное) и *lay out* (глагол).

6. Место конверсии среди других способов словопроизводства.

Редакция журнала «Вопросы языкознания» обратилась к канд. филол. наук В. В. Пассеку с просьбой разъяснить точку зрения А. И. Смирницкого и его учеников на вопросы конверсии в современном английском языке. Ниже публикуется консультация В. В. Пассека.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ КОНВЕРСИИ

1

Проблема соотношения между конверсией и чередованием звуков, а также между конверсией и нулевой аффиксацией в современном английском языке вновь возникает в связи с обзором Л. С. Бархударова (см. ВЯ, 1956, № 1), в котором он критикует взгляды А. И. Смирницкого по вопросам конверсии.

«А. И. Смирницкий считает, — пишет Л. С. Бархударов, — что чередование звуков как в словоизменении, так и в словообразовании в английском языке всегда выступает как дополнительное, зависимое средство, сопровождающее другие, основные средства — аффиксацию, конверсию и т. д. В отношении случаев типа *house* — *to house*, *shelf-to shelve* и т. д. это, действительно, справедливо, как убедительно доказано в анализируемых статьях. Но так ли это во всех случаях? Если да, то мы вынуждены признать, что в таких случаях словообразования, как *to sing* — *song*, или словоизменения, как *to rise* — *rose* и т. д., чередование звуков есть лишь вспомогательное средство, а основным средством словообразования или словоизменения является аффиксация — нулевой аффикс. А. И. Смирницкий, по существу, приходит к такому выводу.

Однако, чтобы быть последовательным, нужно признать, что и в случаях типа *water—to water*, *love — to love* и т. д. основным средством является та же «нулевая аффиксация», а конверсия в этом случае тоже окажется не основным, а вспомогательным средством словообразования. Случаи же типа *house — to house* придется признать «нулевой аффиксацией», осложненной конверсией и чередованием звуков. Вряд ли все это выглядит убедительно. В самом деле — нулевой аффикс, в силу его специфики, не может служить основным средством различения слов и форм слов; поэтому в случаях типа *to rise — rose* основным средством формообразования, т. е. тем, что отличает разные формы слова друг от друга, является именно чередование звуков, а «нулевая аффиксация» выступает здесь именно как подчиненное, сопровождающее средство. То же самое относится и к случаям словообразования типа *to sing — song* и т. д.» (указ. обзор, стр. 139).

Так ли это? Чтобы разобраться в данном трудном и сложном вопросе, необходимо прежде всего исходить из самого определения существа конверсии, а именно из того, что «конверсия есть такой вид словообразования (словопроизводства), при котором словообразовательным средством служит то л ь к о парадигма слова»¹. Иначе говоря, специфика конверсии состоит в том, что слова, соотносящиеся по этому способу словообразования, различаются между собой л и ш ь парадигмой и н и ч е м больше. А это означает, что конверсия не может «сопровождаться» ни чередованием звуков, ни каким-либо другим средством (независимо от того, рассматривается ли это средство в качестве основного или вспомогательного). Таким образом, чередование звуков при конверсии отрицается А. И. Смирницким не только в качестве основного, но также и в качестве «сопровождающего» средства.

Какова же действительная роль чередования звуков при конверсии? Разберем хотя бы приведенный Л. С. Бархударовым глагол (*to*) *rise — rose — risen*, содержащий чередование звуков [aɪ] : [ou] : [ɪ]. При сопоставлении таких форм этого глагола, как (*I*) *rise* и (*I*) *rose*, легко обнаруживается, что с точки зрения собственно лексического (вещественного) значения *rise* и *rose* равны друг другу (*rise = rose*): и та и другая словоформы обозначают совершенно то же реальное действие — «подниматься» и т. д. Таким образом, чередование [aɪ] : [ou] не связывается ни с каким лексическим различием. Наоборот, с грамматической точки зрения весьма существенно, имеем ли мы в данном конкретном случае *rise* (с дифтонгом [aɪ]) или *rose* (с дифтонгом [ou]): к тому же самому лексическому значению «подниматься» будет присоединяться раз-

¹ А. И. С м и р н и ц к и й, Так называемая конверсия и чередование звуков в английском языке, «Пп. яз. в шк.», 1953, № 5, стр. 24.